

Андрей ПУЧКОВ

«МУЗЕЙ С ЛЬВАМИ»

И ВИЦЕ-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЮЛИАН КУЛАКОВСКИЙ

*Александрю Клековкину
по случаю его юбилея*

Официальное освящение и открытие Городского музея произошло в горячее время: в пятницу, 30 декабря 1904 года по старому стилю (2-го января 1905-го — по новому) пал Порт-Артур. В Петербурге забастовки на Путиловском и Невском судостроительном: через неделю случится «кровавое воскресенье». Не до музеев. Впрочем, Шаляпин гениально спел в «Демоне», родился Кабалевский. Вскоре в Киеве на свет появятся Павел Вирский и Григорий Козинцев, в апреле — Серж Лифарь, в мае возле Михайловского монастыря откроют фуникулёр Артура Абрагамсона. Днем же 30-го декабря в одном из залов Киевского Городского музея вслед за Богданом Ивановичем Ханенко (1849–1917), председателем Общества древностей и искусств, меценатом и коллекционером, с приветственным словом по случаю открытия музея выступит его заместитель, профессор римской словесности Юлиан Кулаковский. Читал по бумажке, минут сорок.

Городской музей основан в 1897-м на ханенковские деньги. Динамика его наименований — от подлинного имени до конформного псевдонима — характерна: конкретное выставочное пространство с течением времени подстраивается под новую функцию, ища свежее имя.

Путь от Киевского художественно-промышленного и научного музея Императора Николая Александровича (1904), Первого Государственного музея (1919), Всеукраинского исторического музея имени Шевченко (1924), Киевского государственного музея украинского искусства (1936), Государственного музея украинского изобразительного искусства УССР (ГМУИИ, 1964) до Национального художественного музея Украины (1994) — это не столько трансформация имени, сколько мутация деятельности людей, воспринимающих ладно скроенное Лешекком Городецким^[1] в 1897–1900-м пространственное ядро как подвижной материал.

Ко времени открытия в музее накапливались преимущественно артефак-

ты, связанные с художественной промышленностью (по-современному: дизайн), но государь император просил приделать к названию слово «научный», тем самым задав формированию экспозиции исследовательский вектор. Нынче в музее экспонаты примерно с архаического XIII века до сегодняшних контемпорарных дней. К моменту же открытия артефакты охватывали всю древность — художественную и нехудожественную: от костей мамонта (сейчас — в быв. Ольгинской гимназии^[2]) до произведений народного творчества. О произведениях художников и скульпторов, трудившихся в Украине, речь поначалу не шла. Речь шла об истории культуры Юго-Западного края как таковой — с легким акцентом на народно-стилевой характеристике декоративно-прикладных вещей: одежде и утвари.

К моменту рождения это было не художественно-экспозиционное, но археолого-культурологическое заведение. Напомню, что «археологией» в начале XX века считался всякий артефакт, имевший отношение к прошлому. Так что разная бытовая дребедень, выкапываемая из земли неравнодушным человеком, прямиком шла в чью-то коллекцию, именуясь «памятником археологии». Для постижения очень дальнего прошлого, лишённого хронологии, письменных свидетельств и потому малоубедительного, такие черепки и железки, прикрепленные на проволочках к стеллажу и снабженные описательным текстом, — незаменимый материал хотя бы потому, что провоцируют зрительскую фантазию и на большее не пригодны. Поскольку свидетелей не осталось, контекст приходилось выдумывать.

Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919)^[3], профессор древностей в Императорском университете св. Владимира, прекрасно отдавал отчет, чем занимается, роясь в таврических курганах: не без научной пользы обществу аккуратно убивал за государственный счет вакационное время («от жены, от детей»). Что однажды в Керчи, роясь в катакомбе и переседев на холодной каменной плите, он неделю страдал кровавым поносом, мало о том заботясь, — лишнее доказательство профессионального подхода подлинного ученого, быстро загорающегося идеей, к удовлетворению своих историцистских околичностей на потребу общего умственного блага. Вкупе с регулярно утрачиваемыми в Крыму зубами, о чем он с иронией сообщает в эпистолах, быстро прибежавшая к нему старость превратила относительно молодого человека в морщинистого римского патриция, интересующегося только классическими древностями и говорящего с латинским акцентом. Даже его курьезы по-научному серьезны. Наталия Полонская-Василенко: «Подробно рассказав о событиях в Риме и Равенне во времена Констанция и Константа, он после звонка повернулся к аудитории и сделал знак рукой, что хочет говорить: будто улей затих. Он заявил: “Я перепутал: всё, что я приписал Констанцию, сделал Констант, и наобо-

*Киевский художественно-промышленный и научный музей
Императора Николая Александровича, фото 1905 г.*

рот”, — и вышел. В другой раз было еще лучше: он, уже очевидно для нас, запутался в придворных интригах византийского двора: я садилась на одной из первых парт, напротив кафедры, и тщательно записывала его слова: раз перечеркнула, другой перечеркнула... Вдруг Кулаковский обращается непосредственно ко мне и кричит: “Да перестаньте записывать! Вы же видите, что я сам запутался в этих интригах!”^[4]. Эти воспоминания относятся к 1910-м, когда Юлиан Андреевич всю пыхтел над тремя томами первой в России «Истории Византии».

По окончании речи Кулаковского только что назначенный Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором и командующим войсками Киевского военного округа генерал-адъютант Николай Васильевич Клейгельс (1850–1916), — который, по словам графа С. Ю. Витте, «всегда держал себя с сознанием своей красоты, и именно красоты гренадерской, связанной с внешним величием»^[5], — поздравил Общество с открытием музея, пожелав ему процветания и успеха в просветительной деятельности в центре Юго-Западного края. Затем он предложил версию обращения к государю императору: «Сего числа <30 декабря 1904 года> состоялось открытие и освящение Художественно-промышленного и научного музея имени Вашего Императорского Величе-

ства при Киевском обществе древностей и искусств. Осчастливленные всемирно известнейшим соизволением на присвоение Музею имени Вашего Величества, члены этого Общества и граждане Киева, собравшиеся на торжество освящения, повергают к стопам Вашего Величества чувства беспредельной любви и непоколебимой верноподданнической преданности». Собравшиеся, конечно, согласились и наверняка затянули «Боже, царя храни!». Впрочем, царю в эти дни не до парадных словоизвержений из Киева.

Затем директор музея Николай Федотович Беляшевский (1867–1926), будущий депутат Первой Государственной думы и академик ВУАН, тогда руководивший частным музеем древностей барона Ф. Р. Штейнгеля в с. Городок Ровенского уезда («Городецким музеем»), прочел приветственные телеграммы от: 1) почетного председателя Общества великого князя Владимира Александровича («Дай Бог в добрый час! Желаю юному Музею и его учредителям много светлых дней и долголетнего плодотворного существования. *Владимир*»), 2) почетного члена Общества президента Императорской академии наук великого князя Константина Константиновича («В день освящения и открытия Киевского Художественно-Промышленного и Научного Музея имени Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича шлю искренне свои приветствия. *Константин*») и 3) почетного члена Общества митрополита Киевского и Галицкого Флавиана («Весьма сожалею, что лишен возможности прибыть на освящение и открытие Музея имени Государя Императора Киевского Общества Древностей и Искусств. Благодарю Вас и членов Правления за приглашение. Призываю благословение Божие на деятельность Общества и желаю ему процветать и преуспевать на научном поприще. *Митрополит Флавиан*»). На том официальная часть закончилась, и присутствующие приступили к осмотру оглашенной экспозиции.

Напомню, что первая выставка в здании музея, еще недостроенном, состоялась в августе 1899 года, в рамках XI Археологического съезда, за пять лет до официального открытия. Тогда, в 1899-м, гости Киева не остались разочарованными: активные заседания, экскурсии по городу В. Б. Антоновича и Г. Г. Павлуцкого, так называемая «Трипольская поездка»^[6] делегатов на марголинском пароходе «Бежица» — вниз по Днепру к местам раскопок Викентия Вячеславовича Хвойки в окрестностях с. Триполье на землях И. А. Байковского. Инициатором и донатором экскурсии был тот же Богдан Ханенко.

Кулаковский — единственный, кто взял на себя труд выступить на открытии с полунаучным/полупопулярным докладом, — предложил эскиз состояния археологического дела в Киеве и охарактеризовал мотивы, которыми руководились устроители первой научной экспозиции. Особенное внимание ученый остановил на мамонтовых костях и раскопках в Триполье, то есть обнаруже-

Императорский университет св. Владимира, фото середины 1880-х

нию самых древних материальных свидетельств туземного прошлого. Наверняка так и просилась к нему на перо параллель между Киевом и Римом, в которые он был влюблен ^[7]: «Рим на заре своего существования был городом. Царственный ход истории Рима превратил этот город в мировое государство, охватившее широким кольцом весь бассейн Средиземного моря» ^[8], — это первые строки его грандиозной «Истории Византии». С Киевом, конечно, все не так: лишь к концу XIX века можно было говорить о каком-то направленном цивилизованном развитии, которому открываемый музей был бы историко-культурным архивариусом. Войны, взорвавшись, схлынут — музей останется.

Политических пертурбаций на киевскую долю в течение XX века выпадет еще немало, но Городской музей действительно сбережет тот духовный заряд, которым он был вызван к жизни и выстроен на киевской земле, и то обстоятельство, что к созданию музея были причастны знаменитые киевляне (их перечень долог), свидетельствует: создан в заботе не о хлебе насущном, но в видах сохранения материального прошлого и пестовании культуры будущего.

Б. И. Ханенко, выступавший перед Кулаковским, завершил свою речь так: «В заключение выскажу пожелание, чтобы наш общественный музей стал на высоте своей задачи и чтобы общество отнеслось к нему, как того требует его значение.

Но не только процветание общественного учреждения, но даже самое его

существование, как и жизнь всякого существа в нашем мире, немислимы без любви, без той любви, которая связывает, дает силу и веру в работе и обеспечивает ее успех.

Полюбите же и вы, Мм. Г., Киевский музей Императора Николая Александровича! Этого я прошу у вас для него, и этой любви я желаю музею от всего моего сердца, как лучшего залога его плодотворного влияния на вашу собственную жизнь»^[9].

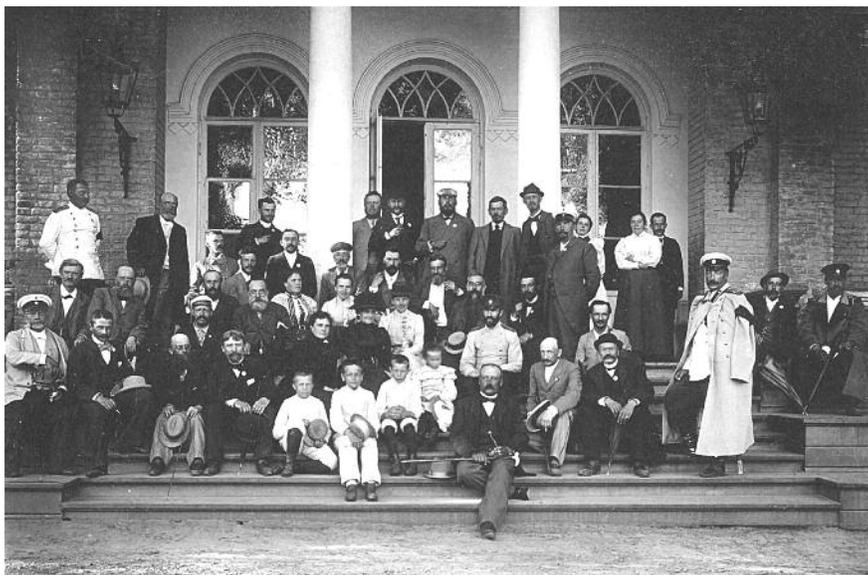
В речи Кулаковского, публикуемой ниже, схвачены три главные позиции: необходимость широкого изучения древнейшей истории Юго-Западного края не в последнюю очередь путем ее публичной репрезентации; привлечение внимания к прошлому; забота о будущем. Это была достойная уважения культурологическая программа конкретных действий.

Юлиан Андреевич Кулаковский

РЕЧЬ ВИЦЕ-ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА ДРЕВНОСЕЙ И ИСКУССТВ НА ОТКРЫТИИ КИЕВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО И НАУЧНОГО МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА 30-го ДЕКАБРЯ 1904 ГОДА^[10]

Мм. Гг.^[11],

Высокое внимание его императорского величества государя императора к интересам науки и просвещения дало возможность возникнуть в нашем славном старом Киеве общественному учреждению, которое с сегодняшнего дня начинает свое служение и свою историю. Благой почин частных лиц в деле осуществления идеи областного музея в нашем крае, щедрые пожертвования наших именитых сограждан, помощь городского управления — все это нашло себе упоминание в выслушанной вами, Мм. Гг., речи председателя нашего Общества <Б. И. Ханенко>, который, — как я считаю своим долгом здесь о том заявить, — понес наибольшие труды в создании учреждения, собравшего нас сегодня в эти стены. Наш почтенный председатель ознакомил вас, Мм. Гг., также и с теми задачами, которые лежат на нашем музее. Благоприятное предзнаменование, каким является высокая милость его императорского величества государя императора, соблаговолившего дать нашему музею при самом начале его существования почетное право носить его царственное имя, вселяет надежду на то, что наш музей сумеет оправдать оказанное ему внимание и, обогащаясь год от года памятниками искусства и культуры, будет достойно совершать свое служение на пользу отечественного самосознания.

Делегаты XI Археологического съезда, совершившие ученую экскурсию для производства раскопок в окрестностях с. Гребинки Ржищевской волости Киевской губернии. В гостях у помещика И. А. Байковского: гр. П. С. Уварова с дочерьми, гр. А. А. Бобринский, гр. А. Д. Гендриков, Б. И. Ханенко, профессора Ю. А. Кулаковский, П. Н. Милюков, В. Б. Антонович, Д. Н. Анучин, Н. И. Веселовский, Д. Я. Самоквасов, Д. И. Багaley, В. З. Завитневич, А. А. Павловский, Э. Р. фон Штерн, Ф. Г. Мищенко, члены Императорского Московского археологического общества В. А. Городцов, В. К. Трутовский, В. К. Кашкаров, генерал-лейтенант Н. Е. Бранденбург, В. П. Каньшин, А. А. Миронов, В. В. Хвойко и др. Фото: 11.08.1899, публикуется по: Институт рукописи НБУВ. Ф. II. Д. 30547–30551. Л. 20.

В настоящее время мы присутствуем при зарождении музея. Но вы видели, Мм. Гг., что мы освящали не одни лишь стены, не одно лишь здание: в нем есть уже полные залы, в которых собрано немало памятников огромного исторического значения. На мою долю падает лестная обязанность занять ваше просвещенное внимание, представив в самых общих чертах значение того достояния, которым успел уже обогатиться наш музей; но я позволю себе ограничиться тем отделом, который имеет уже известную цельность, то есть отделом древностей.

Содержание и общий характер отдела древностей отражают на себе тот

огромный прогресс научной мысли, который совершился во второй половине XIX века. Когда в [18]50-х годах создавался Императорский Эрмитаж в Петербурге, на музеи смотрели как на собрания редкостей и изящных предметов. Открытый в начале XIX века для научного исследования наш Юг, побережье Черного моря, привлекал к себе исключительное внимание. Раскопка курганов и древних могил щедро вознаграждала труд исследователей изящными предметами античного искусства, преимущественно греческого. Их прежде всего искали в раскопках, и внимание обращалось почти исключительно только на вещи изящные или ценные по своему материалу. Только такие вещи считались достойными занять место в великолепных залах музея наряду с большими коллекциями изящных произведений античной древности, которые перешли в Императорский Эрмитаж и приобретались преимущественно в Италии и в частности в Риме, начиная еще с Петра Великого, при котором доставлена была с великим трудом в Россию знаменитая Венера Таврическая, подарок папы Климента XI^[12]. Скопившиеся в Эрмитаже археологические богатства, в особенности в виде изделий из золота, представляют в своем роде единственное собрание в мире по своему обилию и разнообразию. Тот ученый, авторитет которого направлял не только пополнение музея, но и самые интересы исследования, производивших раскопки, академик [Л. Э.] Стефани^[13], оценивал доставлявшиеся с Юга находки прежде всего и почти исключительно с точки зрения их изящества, уважал только предметы греческого искусства. Богато размещенные в великолепной обстановке украшенных мрамором и золотом зал Эрмитажа предметы эти пленяют взор своей прелестью, сохраняют навсегда свое значение творений высокого искусства, остаются и останутся предметом изучения; но в то же время они нисходят на степень собрания редкостей — в них нет *истории*, так как самая идея музея в пору создания Эрмитажа была иная, чем какой она стала теперь. С течением времени в самом Эрмитаже возник новый отдел из старых коллекций, пополнявшихся новыми предметами. В его организацию проникла новая идея исторического принципа. Отдел этот вырос около коллекций оружия и предметов вооружения, и туда стали попадать предметы, органически связанные с предметами, украшающими античный отдел: варварские изделия, а равно и византийские эмали. В своей отдельности от тех предметов и эти не дают нам истории.

На иных началах основан был лет около двадцати пяти тому назад Исторический музей в Москве. Его основанию предшествовала ученая деятельность графа [А. С.] Уварова^[14] и одушевляемого им Московского археологического общества. Термин «исторический» в приложении к нему сразу получил очень широкое значение, включая в себя и то, что обыкновенно зовется «доисторическим». Собранные в его стенах предметы должны освещать историю жизни че-

*Заслуженный
ординарный профессор
Императорского
университета
св. Владимира,
член-корреспондент
Императорской
академии наук,
действительный
статский советник,
доктор римской
словесности
Юлиан Андреевич
Кулаковский
(1855–1919)*

ловека на земле от самых давних эпох, какие можно проследить уже, конечно, не по письменным памятникам, а вне всякого отношения к ним, по вещественным находкам. Граф Уваров, так много потрудившийся на почве разъяснения каменного века в пределах России, применил в самом распределении здания выработанное западной археологической наукой деление жизни человека на века: палеолитический, неолитический, бронзовый, железный, и соответственные написания явились на стенах отдельных зал. Сразу же оказалось, что эти рубрики в одном отношении оказались тесны, в другом слишком просторны, и тот обширный зал, где на стенах красовалась надпись «бронзовый век», заполнен был предметами, никакого отношения к бронзовому веку не имеющими. Конечно, необъятность территории нашего отечества, для которого Московский музей является центральным, может дать достаточно материала для всяких рубрик; но с другой стороны, как необъятность нашей территории, так

и бесконечное разнообразие археологических находок делают задачу этого музея бесконечной и потому неосуществимой.

Более ограниченную и тем самым более ясную задачу имеет наш музей, задуманный как областной и возникший в центре Приднепровья, нашем старом Киеве. В наполнении его предметами обуславливающим началом является уже не старая и устаревшая ныне точка зрения — изящество предмета, и не общие соображения об его интересе в смысле отношения к какой-либо, хотя бы и самой отдаленной, местности России, а принадлежность нашей земле. Собранные в свете этой руководящей идеи предметы представляют в вещественных памятниках жизнь человека в данной области, в постепенном развитии, в смене культур, которые приносили с собою или вырабатывали на месте населявшие ее народы. Археологическое исследование нашего края представило уже немало прочных данных, и для наполнения нашего музея нам не нужно чужих готовых шаблонов, так как мы здесь можем положить в основу установленные исследователями общие факты, добытые при изучении нашего края. Археологическое исследование края имеет ту особенность, что оно никогда не может считаться законченным, и то, что мы знаем в настоящее время и чем владеем, подлежит еще бесконечному расширению как в количественном, так и в качественном отношении; но эта бесконечность предмета не является препятствием к тому, чтобы некоторые общие факты могли считаться точно и определенно установленными, насколько то возможно в археологии. В залах нашего нижнего этажа факты эти пред вашиими взорами в конкретном образе сопоставленных по эпохам предметов.

Раньше чем бросить общий взгляд на то, что у нас есть, а вместе с тем и отметить задачи будущего в смысле проблем для разрешения, позволю себе наметить стадии жизни нашей земли вглубь прошлого от того времени, когда начинается исторический свет для нашей земли. Заря будущего для русского государства зарделась в Киеве, и этот город стал центром объединения всей восточной ветви славянства, населившей нашу родину. Этот факт не мог быть делом случая: были налицо основания, создавшие такое значение Киеву. Подвигаясь с запада и распространяясь по течению рек, наши предки нашли в Киеве пункт, в котором сходились все пути с севера, запада и востока на юг, и имели дальше огромную водную артерию для торгового обмена в течении Днепра. Это значение Днепра, а вероятно, и территории нашего Киева, определилось задолго до появления славян на этой территории. Путь «из варяг в греки», обусловивший направление нашей истории начальных времен, открыт был еще задолго до появления славян на Днестре. От берегов Балтики через Полесье прошли во II–III веке нашей эры готы. На Днестре, и быть может, в местности нашего Киева, была столица царства Эрманриха ^[15], Danparstadir ^[16], память о которой сохранилась в германских сагах дальнего севера:

Тот знаменитый лес, который зовется Темной дубравой,
Та священная могила, что стоит на земле готов,
Та знаменитая скала, что высится на Днепровских местах... —

так поется в исландских сагах.

Если готы открыли путь с севера от Балтики и приготовили его для этих родичей-викингов из Свейской земли ^[17], — то с юга он был открыт давно. Возникшая на северном Черноморском побережье греческая колонизация еще за шесть веков до Р. Х. застала в южнорусских степях разные варварские народности, которые были объединены вторгшимся еще до того времени кочевым народом арийской расы иранской ее ветви, для которого греки сочинили имя «скифы», а восточную часть его называли сарматами. Вся нынешняя степная Русь была во власти этих племен. Принеся с равнин Азии свою культуру и зачатки искусства, эти племена подчинились воздействию греческой культуры, и под влиянием живого торгового духа греков потянулись на север, далеко от моря, торговые пути, благодаря которым вся южная половина Руси стала получать однообразные культурные воздействия. А еще раньше скифских времен Приднепровье было обитаемо неведомыми нам народами, жившими в условиях каменного века и притом не только так наз[ываемого] неолитического периода, но и древнейшего, начального — палеолита, когда человек обитал в этих странах вместе с мамонтом.

Усилиями многих исследователей, при благосклонной поддержке со стороны просвещенных коллекционеров, в наш Киев собралось много предметов от всех этих сменявших друг друга в порядке столетий периодов, и наш музей, только ныне официально открываемый, оказывается в обладании огромных археологических богатств. Наполнение витрин нашего музея могли мы начать с такого начала, какого нет ни в каком другом из русских музеев. Разумею находку, сделанную на территории Киева по Кирилловской улице за Иорданской церковью. На глубине 9 сажен и более обнаружены были в пластах глины культурные прослойки, заключающие в себе огромное количество костей мамонта от более чем 20 экземпляров с ясными следами того, что человек снес сюда эти кости и утилизировал их не только для питания, но и для выделки первобытных орудий. Среди этих последних есть и такая, на которых вырезан орнамент в виде фигур животных. Здесь же были обнаружены кострища, кремневые осколки и ядрища кремня, от которых откалывали куски, пользуясь их острым краем как режущим орудием. По той глубине, на какой залегает слой с культурными остатками, можно приблизительно судить об отдаленности времени обитания человека в тех местах, которое геологи определяют в десятки тысячелетий, и приходится признать, что эта стоянка является самой древней из всех аналогичных, какие стали доселе известны на территории России. Памятники эти со-

ставляют в настоящее время ценное достояние нашего музея; они вызывают и будут вызывать о себе ученую литературу.

Если территория Киева была обитаема в ту отдаленную пору, то, очевидно, был населен и наш край, среднее Приднепровье, и счастливый случай поможет впоследствии обогатить наш музей другими находками от эпохи палеолита.

Много тысячелетий прошло от той отдаленной поры до того времени, которое оставило на территории Киева следы обитания человека, знавшего уже полированные каменные орудия, умевшего придавать камню изящную форму, сверлить его толщу для того, чтобы надеть орудие на палку. Человек этой эпохи, так называемой неолитической, пользовался наряду с каменными орудиями и другими, которые он изготовлял из кости и рогов, преимущественно оленья. Он знал уже искусство лепить горшки из глины и придавать им крепость обжиганием, а зародившийся вкус к изящному удовлетворять нанесением орнамента. Он жил в пещерах и землянках. Приблизительно в тех же местах, где оказались следы обитания человека, жившего в условиях палеолита, но на несколько саженей выше, открыто было в Киеве много вырытых в лесу землянок, где сохранились следы очагов и при них орудия и черепки глиняной посуды. Такие же следы обитания человека открыты были в большом числе к югу от Киева близ Триполья^[18]. На незначительной глубине под поверхностным слоем почвы оказываются площадки, вымощенные комками жженой глины, — очевидно, <это> пол стоявшей здесь некогда хижины. На площадках находимы были следы очага и значительное количество глиняных сосудов; иные из них — весьма своеобразных типов, с орнаментами из кривых линий и разрисованными краской узорами, а также и рельефными украшениями. Кое-где находимы были глиняные фигурки, а также каменные орудия, а изредка и бронзовые. Богатый материал из раскопок этих площадок, произведенных В. В. Хвойко, сопоставлен в витринах первой залы нашего музея. Будущему исследованию предстоит установить район распространения этой культуры. В настоящее время имеются данные, позволяющие связать эти находки с типами керамических изделий, которые были находимы в Галиции по Днестру. С другой стороны, устанавливаются черты сходства керамики площадок с находками, сделанными на Санторине и Кипре, и в настоящее время в ученой литературе, вызванной этими находками, возобладал термин «домикенская культура», — с каким, однако, правом, — это покажет будущее^[19].

В условиях этой культуры жил человек по всему Приднепровью, и во многих местах Киевской, Волынской, Полтавской, Екатеринославской губерний сделаны были в разное время находки как полированных каменных орудий, так и мастерских кремневых орудий, а также и стоянок со следами продолжительного обитания человеком определенной местности.

Человек этой культуры оставил по себе в районе всего Приднепровья следы своих погребений. Под высокими курганами в углублении, сделанном в материке, находят костяки с поджатыми ногами, причем нередко кости, а особенно череп, бывают окрашены в буро-красный цвет. Грубые горшки с острокопечным дном, кремневые стрелки или копья составляют обыкновенно всё богатство такой могилы. Район погребений этого типа обнимает огромную территорию: от Киевской и Черниговской губерний на север и до побережья Черного и Азовского морей, включая Бессарабию, Крым и предгорья Кавказа. Однородность погребального типа заставляет предполагать и единство этнографическое^[20].

В этих могилах попадаются иногда предметы из бронзы, причем орудия из этого металла воспроизводят формы каменных, свидетельствуя тем о позднеjšем своем происхождении. В Приднепровье нет меди; если же, тем не менее, оказываются бронзовые орудия, то, очевидно, туземное население того времени знало обмен, зародились уже и торговые пути, по которым металл проникал в нашу страну. Дело будущего исследования выяснить эти пути и найти источник, снабжавший медью жителей Приднепровья. Так как бронзовые орудия попадают вместе с каменными, причем последние преобладают, то является возможность установить как факт, что век неолитический сменился у нас энеолитическим, без каких либо этнографических переворотов.

Спорадически попадают в нашем крае, и в частности, нередко в Киевской губернии, бронзовые орудия формы так называемых кельтов. В Западной Европе орудия этого типа характерны для бронзового века, сменившего каменный и державшегося в иных местах целые столетия. В нашем крае не было, по-видимому, особого бронзового века, и те орудия, какие бывают находимы, следует признать предметами зажими. — Опять свидетельство народившегося в глубокой древности обмена.

Во всех тех культурах, о которых была речь выше, нет еще определенной хронологии: мы имеем дело лишь с последовательными эпохами. Свет истории внесли на нашу территорию греки. В VII веке до начала нашей эры стали они селиться на северном побережье Черного моря, сначала в виде торговых факторий, затем прочных поселений, слагавшихся в городские общины, из которых иные превратились в значительные государства. Греки назвали скифами ту народность, которую они застали в степях южной России, и сохранили нам свидетельство о том, что то не были коренные туземцы, а воинственное племя кочевников, проникших на эту территорию с востока, которые истребили и поработили туземцев. Скифы знали уже не только золото и медь, но и железо, и принесенная ими культура сменила энеолитическую, в которой жили туземцы. Быт скифов описал нам в живых чертах Геродот, побывавший во время сво-

их путешествий в Ольвии, на лимане реки Буг. Непосредственные сношения с греками имели своим последствием живое воздействие на скифов греческой культуры. Долгие века длилось это воздействие, и греческая торговля проникала все дальше вглубь страны на север. Ее следы имеем мы в курганах и многих городищах. Конник-скиф хоронил себя с своим оружием — железный прямой меч, лук, колчан со стрелами. Оружие нередко украшалось золотом, как рукоятка меча, так и ножны покрывались золотой бляхой с тисненым орнаментом; колчан также нередко покрывался золотыми пластинами с рельефным орнаментом. Острые стрелы были обыкновенно трехгранные бронзовые, иногда костяные. Панцирь делали из железных скреплявшихся на коже бляшек, иногда позолоченных. Богато украшал скиф и своего боевого товарища — коня, который шел с ним также в могилу, или целиком, или только головой и ногами. Греческие амфоры и разного вида вазы составляли также необходимую часть убранства богатого погребения.

Курганы южной полосы обогатили и продолжают обогащать Императорский Эрмитаж; а более северные — дали то, что красуется в витринах нашего музея.

Кроме курганов, памятники культуры скифского периода находятся также и во многих городищах, каково, напр[имер], особенно интересное находящееся в урочище Галушино близ села Пастырского в Чигиринском уезде Киевской губернии^[21]. Черепки греческих ваз, начиная с расписных, несомненно V века, обломки амфор и другие мелкие предметы определенно говорят нам о том, как далеко простирался в ту давнюю пору торговый обмен нашего края с далеким культурным Югом.

Около времени начала нашей эры вместе с греческими изделиями стали проникать также и римские под влиянием того политического переворота, который успел совершиться к тому времени в бассейне Средиземного моря. В могилах оказываются уже вместо прежней греческой посуды с изящной лакировкой стеклянные сосуды разных форм как отличительная особенность культуры того времени.

Скифская, или скифо-сарматская, эпоха сменяется эпохой переселения народов. В нашем крае движение прошло с двух сторон. Первой его стадией было появление готов, проникших на Днепр с берегов Балтики через Полесье. Типичных погребений, которые бы можно было с уверенностью приурочить к готам, мало еще отыскано в нашем крае. Но и наш музей владеет предметами, которые с уверенностью относятся к готам. Таковы большие бронзовые фибулы с прорезными узорами, украшенные по бокам головками животных и птиц, а также фибулы с шипами по краям, так называемые пальчатые. Предметы эти часто украшены эмалью, или вставленными в гнезда цветными камнями.

К тому же времени следует отнести и ту еще недостаточно разъясненную культуру «полей погребения» из Черняхова^[22] и некоторых других мест Киевского уезда, которая представлена в нашем музее огромной коллекцией керамики особого типа хорошей выделки и значительным количеством костяных и металлических изделий.

Движение народов с востока, бурно начавшееся с конца IV века, привело в наш край разные народы преимущественно тюркской расы. Уже на заре своей истории тюрки в пограничье с Монголией известны были как большие мастера ковать железо, о чем сохранили известия китайские летописи. Железное вооружение принесли с собой тюрки в Европу, и наш край усеян следами погребений этих новых кочевников, сменявших друг друга на пространстве русских степей в своем движении на запад. В особой витрине нашего музея красуется роскошное погребение этого типа, которое было открыто покойным Зноско-Боровским: сохранившаяся в целом виде железная кольчуга, железный шлем с высоким шишаком, железная маска на лице и кривая восточная сабля.

Через тюрков стали проникать на нашу территорию изделия далекой Персии и Средней Азии, которыми также владеет наш музей.

Темным и поныне остается вопрос о начале славянской колонизации нашего края, которой суждено быть последней и сделать наш край тем, чем он является в настоящее время. Наш музей владеет огромной коллекцией памятников славянской культуры как языческого времени, так и великокняжеского периода, в виде предметов как вооружения, так и убранства. В многочисленных раскопках давно уже установлены типичные предметы славянской культуры, преобладание серебра в предметах украшения, форма серёг с тремя филигранными бусами, височные кольца с лопастями, ожерелья с лунницами и полуцилиндриками. Эти типичные предметы равно принадлежат как языческой поро, так и христианскому времени. Византия, где держались старые традиции мастерства и искусства, применявшегося ко вкусам времени, стала нам ближе вместе с христианством, и оттуда шли к нам изящные золотые изделия, относившихся к убранству, домашнему обиходу и церковному обряду. Много великолепных находок в этом роде было сделано именно на территории нашего Киева. Большинство их нашло себе место в Эрмитаже или разошлось по частным коллекциям. Но новейшие находки в этом роде оказались в руках лиц, которые или передали или обещались передать их в наш музей.

Я подошел к концу моей задачи представить вашему вниманию общий обзор того, чем владеет наш музей в своем отделе древностей. Разрозненные кости мамонта, куски камня, кости и рога, черепки глиняных сосудов, изъеденные ржавчиной металлические пряжки, застёжки, ножи и другие предметы украшения и вооружения, — вот внешний вид того, что наполняет наши витрины

ны. Все это мертвые предметы, долгие века пребывавшие в земле, чтобы опять увидеть свет в нашем музее. Но когда они его увидели, они ожили опять, чтобы повествовать нам о человеке, задолго до нашего времени населявшем этот край и творившем в нем живую историю. В борьбе с мамонтом человек напрягал все свои силы, изощрял свой разум, чтобы одержать победу над внешней природой, познать ее и заставить ее служить себе. В этой борьбе создавал он и искусство, и полагал первые основы художественного творчества. Умея только из камня и рога выделывать свое оружие, создавал человек обмен продуктов труда, и из далеких стран умел добыть себе металл, чтобы заменить им камень. В борьбе на жизнь и смерть со зверем, в кровавой междоусобной брани племен и народов, отнимавших друг у друга занятую одним из них территорию, в установлении обмена продуктами труда и дарами почвы — шла история человека, вынуждая его напрягать все силы своего духа и тела для борьбы за существование. И об этой-то борьбе — без хронологических дат, без имен и лиц, а в одной лишь стихийности, — повествуют нам эти мертвые предметы из витрин нашего музея; а своими формами и орнаментацией они дают нам постигнуть тот прогресс искусства, который совершал человек в подчинении себе природы и приспособлении на свою потребу мертвого материала...

Государю императору угодно было, чтобы наш музей назывался «научным». И в этот день своего открытия наш музей уже может оправдать это свое название: выработанные наукой принципы действуют в его наполнении, и то, чем мы теперь уже обладаем, является богатым материалом для ученой работы и научной разработки. Такую блестящую обстановку создала нашему музею великая сила — любовь к старине местных людей. Помянем с благодарностью имена: митрополита Евгения <Е. А. Болховитинова>, старого [М. А.] Максимова, губернатора [И. И.] Фундукля, протоирея [Ф. Г.] Лебединцева, много потрудившихся на поприще изучения древностей нашего края. В наши дни любовь к старине собрала те богатые коллекции, которые поступили в наш музей, — В. Н. и Б. И. Ханенко, покойного Зноско-Боровского, графа А. А. Бобринского, не говоря уже о меньших... Будем надеяться, что эта любовь не оскудеет среди киевлян, что она будет расти и крепнуть во благо нашего края и на пользу нашего музея, и самый наш музей, поддерживаемый ею, станет местом, где эта любовь будет почерпать силу знания, а тем самым приносить богатые плоды на пользу и во славу русской науки и русского народного самосознания.

1. О подробностях проектирования и строительства Городского музея см.: Малаков Д. В. Архітектор Городецький: Архівні розвідки. — К., 1999. — С. 75–91.
2. Хижина из костей мамонта ныне — в Национальном научно-природоведческом музее НАН Украины.
3. См.: Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — СПб., 2004; Пучков А. А. Культура антикварных несходств: Силуэты. Профили. Личины. — К., 2012. — С. 135–298; Матвеева Л. В. Юлиан Кулаковский. — К., 2002, *Непомнящий А. А.* Профессор римской словесности: Юлиан Кулаковский // *Непомнящий А. А.* Подвижники кривоветия. — Симферополь, 2006. — С. 205–236, и др.
4. *Полонська-Василенко Н. Д.* Спогади / Упоряд. В. Шевчук. — К., 2011. — С. 190.
5. *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. — М., 1960. — Т. 2. — С. 339.
6. См.: Пучков А. А. Культура антикварных несходств... — С. 208–219.
7. См.: Пучков А. О. Рим Кулаковського і булгаковський Київ: Екстериторіальні розбіжності у контексті історії та культури // Мистецтвознавство України: Зб. наук. праць ІПСМ НАМ України. — К., 2010. — Вип. 11. — С. 221–227.
8. *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. — 3-е изд., исправ. и доп. — СПб., 2003. — Т. 1: 395–518 годы. — С. 54.
9. Освящение и открытие Киевского художественно-промышленного и научного музея Императора Николая Александровича. — К., 1905. — С. 10.
10. В современной орфографии воспроизводится по: Освящение и открытие Киевского художественно-промышленного и научного музея Императора Николая Александровича. — К.: Типолитограф. С. В. Кульженко, 1905. — С. 10–20. См. также другие репортажи: *Кулаковский Ю.* Речь на открытии Киевского музея Императора Николая II // Киевлянин. — 1904. — № 351; *Кулаковский Ю.* Киевский художественно-промышленный музей Императора Николая Александровича // Правительственный вестник. — 1905. — № 35. В подготовке материала к печати принимала участие *Светлана Анатольевна Демченко*, которой я выражаю признательность за помощь.
11. Устоявшееся написание казенного обращения: «Милостивые дамы и господа!»
12. Венера Таврическая — мраморная статуя купающейся Венеры в натуральную величину (высота 167 см), выполненная во II или III веке до Р. Х. по греческому оригиналу Афродиты Книдской или Венеры Капитолийской. Предположительно найдена при раскопках в Риме в феврале 1719 года. Подарена Петру I папой Климентом XI в благодарность за пропуск католических миссионеров в Китай, став первой в России античной женской статуей. В 1720-м установлена в Летнем саду. Ныне — в собрании Эрмитажа.
13. Лудольф Эдуардович Стефани (1816–1887), филолог и археолог, академик Императорской академии наук (1850). Выпускник Лейпцигского университета. Приглашен графом С. С. Уваровым профессором кафедры древнеклассической филологии, эстетики и теории искусства в Дерптский (Юрьевский, Тартуский) университет (1846). Хранитель Императорского Эрмитажа, член Императорской археологической комиссии, Московского археологического общества, почетный вольный общник Императорской академии художеств.

14. Граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884), археолог, почетный член Императорской академии наук (1857), инициатор археологических съездов. Сын С. С. Уварова. Выпускник Берлинского и Гейдельбергского университетов. Один из основателей Российского и Московского археологических обществ, Исторического музея в Москве. Супруга — графиня П. С. Уварова (1840–1924), посмертный продолжатель его дела.

15. Германарих, Эрманарих (IV в.), король готов. Подчинил готские и местные племена в Надчерноморье. В римских источниках (Аммиан Марцеллин, Иордан) и древнегерманском эпосе предстает одним из вождей эпохи Великого переселения народов.

16. Danparstadir, Днепровский город (Nepragardr норманнских sag XI–XII вв.; Nervalarsaga в саге об Эйрике Красном и др.), отождествлялся с Киевом, который, впрочем, носил другое имя: Kioen-gardar или Koennogard. Путанице способствовал миф о великой готской империи V в. (Reidhgotalande), столицей которого и был якобы грандиозный город на Днепре — Danparstadir, которым мог быть только Киев. «Многие историки (кто по германскому национализму, кто по непонятной доверчивости) восприняли эту “державу Германариха” как историческую реальность конца IV в., пренебрегая тем, что сочинитель, подробно повествовавший о пограничных войнах Германариха с соседними народами (герулами, венетами), даже не упомянул о том, каким образом и когда Германарих, отдаленный от эстов на 1500 км, завоевал всю Скифию и Германию. “Державу Германариха” изображали на картах, очерчивая на карте Европы государство, равнявшееся чуть ли не половине Римской империи времен ее расцвета» (Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — М., 1988. — С. 29–30). Впрочем, об этом заблуждении писал еще друг Кулаковского академик Н. П. Дашкевич (Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древнесеверной литературы // Унив. известия. — 1886. — № 11. — С. 220–240). Подробнее см.: Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время... — С. 160–161. См. также: Сахаров А. Н., Свердлов М. Б. Послесловие: Начальный период отечественной истории в освещении Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. История Государства Российского: В 12 т. — М., 1989. — Т. 1. — С. 390–391; Грушевський М. С. Історія України–Руси: В 11 т., 12 кн. — К., 1991. — Т. 1. — С. 602–624: «Головне, що розбиває її (норманнську теорію. — А. П.) зовсім — це локалізація руського імені на київській околиці й заснування Русі в полудневих краях тоді ще, коли першого скандинавсько-руського князя, Ігоревого батька з його братами, не могло бути й на світі» (с. 624). На с. 611 М. С. Грушевський пропонує читателю прийняти во увагу критичні зауваження Ю. А. Кулаковського до гіпотези Маркварта — «Нові додуми про походження імені Русь» (Університетські відомості. — 1906. — № 6. — С. 1–10).

17. Старое название Швеции.

18. Триполье — село в Обуховском районе Киевской области, примерно в 40 км от Киева. Впервые упоминается в летописях в 1093 г. в связи с битвой князя Святополка с половцами: Триполье было окружено большими валами и служило передовым укреплением для защиты Киева от набегов половцев и других кочевых племен. Название села связано с местом его расположения: находится у слияния рек Стугны, Красной и Бобрицы, где сходятся вместе три речных долины — «три поля». По другой версии, Триполье происходит от греческого «триполис» («три города») — по названию древнегреческой фактории, предположительно располагавшейся в этом месте. В 1897-м археолог В. В. Хвой-

ка обнаружил близ Триполья материальные остатки энеолитической культуры, названной им по месту находки трипольской.

19. См.: Мосенкіс Ю. А. Проблема реконструкції мови Трипільської культури: Дис. ... д-ра філол. наук. — К., 2002.

20. См.: Кулаковский Ю. К вопросу об окрашенных костяках // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. — М., 1901. — Т. 1. — С. 190–196; *Kulakovsky J.* Sur le question des squelettes colores // Atti del Congresso Internazionale di Scienze Storiche. — Roma, 1904. — Vol. V. — S. 673–681; *Kulakovsky J.* Sur le question des squelettes colores // Унив. известия. — 1905. — № 3. — С. 1–9. Ссылка на это исследование Кулаковского, часто цитируемое в начале XX в., можно встретить до сих пор.

21. Пастырское городище расположено на обоих берегах реки Сухой Ташлык (приток р. Тясмина), исследовалось В. В. Хвойко в 1898, 1900, 1901 гг., затем сотрудниками Института археологии АН УССР в 1949 и 1955-м.

22. Черняховская культура — раннесредневековая археологическая культура, существовавшая на территориях Украины (включая Крым), Молдавии и Румынии в II–IV веках. Прослеживается там, где древние писатели размещают готов, причем угасает она как раз в то время, когда готы мигрируют из Надчерноморья на запад Европы. Помимо основного (готского), признается наличие в среде черняховцев и других этнических элементов (сарматы, гепиды, даки, фракийцы, геты, славяне-анты).

Анотація. Публікацію присвячено коментуванню промови професора римської словесності Імператорського університету св. Володимира, віце-голови Товариства старожитностей і мистецтв Юліана Андрійовича Кулаковського (1855–1919) під час урочистого відкриття Київського художньо-промислового і наукового музею імператора Миколи Олександровича (тепер — НХМУ) 30-го грудня 1904 року.

Ключові слова: Юліан Андрійович Кулаковський, Київський художньо-промисловий і науковий музей імператора Миколи Олександровича.

Аннотация. Публикация посвящена комментированию выступления профессора римской словесности Императорского университета св. Владимира, вице-председателя Общества древностей и искусств Юлиана Андреевича Кулаковского (1855–1919) во время торжественного открытия Киевского художественно-промышленного и научного музея императора Николая Александровича (ныне — НХМУ) 30-го декабря 1904 года.

Ключевые слова: Юлиан Андреевич Кулаковский, Киевский художественно-промышленный и научный музей императора Николая Александровича.

Summary. The publication is devoted to comments by Professor Roman Literature of the St. Vladimir Kyiv Imperial University, the vice-chairman of the Society of Antiquities and Arts Julian A. Kulakovsky (1855–1919) during the inauguration of the Emperor Nicholas II Kiev Art and Industry and the Science Museum (now — National Art Museum of Ukraine) on 30th December 1904.

Keywords: Julian A. Kulakovsky, Emperor Nicholas II Kiev Art and Industry and the Science Museum.